

под золотой сеткой.<sup>40</sup> Пушкину важно было показать обольстительность облика молодой вдовы, и он пожертвовал исторической достоверностью, возможно попав под обаяние портрета Эльвиры.

Волосы Анны упоминаются в «Каменном госте» дважды. Во втором случае это уже совершенно другое описание. Дон Гуан представляет, как героиня пройдет мимо его захороненного праха:

Чтоб камня моего могли коснуться  
Вы легкою ногой или одеждой,  
Когда сюда, на этот гордый гроб  
Пойдете кудри наклонять и плакать (7, 156).

Процитированным отрывком восхищался Ю. К. Олеша: «„Кудри наклонять“ — это результат обостренного приглядывания к вещи, не свойственного поэтам тех времен. Это слишком „крупный план“ для тогдашнего поэтического мышления, умевшего создавать мощные образы, но все же не без оттенка риторики — „и звезда с звездой говорит“. Не есть ли это воспоминание о портретах Брюллова — „кудри наклонять“? Или передача того мгновенного впечатления, которое получил поэт, посмотрев на жену, которую знаем мы в кудрях?»<sup>41</sup> Думается, что Олеша абсолютно прав, связав эту черту с реалиями жизни автора «маленьких трагедий» (вспомним письмо к Н. И. Гончаровой о «блестящей вдове»); модные в 1820–1830-е годы прически с пучками локонов, расположенных над ушами,<sup>42</sup> позволяли «наклонить кудри» и в траурном покрывале. А вот в мастерстве «приглядывания к вещи» у поэта все-таки были учителя, и одним из них являлся Карамзин.

Сопоставление «Сиерры-Морены» с «Каменным гостем» лишний раз подтверждает, что интерес Пушкина к творчеству Карамзина не ограничивался национально-историческими, общественно-политическими, проблемно-психологическими аспектами. Поэт учился у своего наставника искусству композиции, умению создавать пластические живописные образы, мастерству нюансировки деталей. Дословные совпадения наглядно свидетельствуют о важности роли, которую Карамзин сыграл в развитии пушкинского таланта.

<sup>40</sup> См.: Сыромятникова И. С. История прически. С. 120–121.

<sup>41</sup> Олеша Ю. К. Избранное. М., 1974. С. 487.

<sup>42</sup> Сыромятникова И. С. История прически. С. 173.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-36-45

## ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ В. А. ЖУКОВСКОГО О ПАСКВИЛЕ Ф. В. БУЛГАРИНА НА СЕМЕЙСТВО ВОЕЙКОВЫХ (1825)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ © С. В. БЕРЕЗКИНОЙ,  
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ  
© С. В. БЕРЕЗКИНОЙ И © О. Б. ЛЕБЕДЕВОЙ)\*

27 ноября 1826 года П. А. Вяземский написал В. А. Жуковскому письмо с выговором за сотрудничество с Ф. В. Булгариным (в «Сыне отечества» были только что напечатаны переводные сказки Жуковского), напомнив о его выпадах против их лите-

\* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00113 «В. А. Жуковский в институциональной истории русской литературы» и программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета, грант № 8.1.35.2018.

ратурно-дружеского круга: «Булгарин лаял же на Карамзина, на Тургенева, на Воейкову, добро бы на одного Воейкова <...> Булгарин отъявленный же подлец и бездельник: как же садиться в его журнал». <sup>1</sup> Комментируя это письмо, Н. К. Кульман назвал некоторые из выступлений Булгарина 1825 года против Н. М. Карамзина и А. И. Тургенева, но при этом заметил: «Как Булгарин „лаял на Воейкову“, мне неизвестно». <sup>2</sup> Недавно вышедшая полная библиография произведений Булгарина <sup>3</sup> значительно облегчила нам поиск произведения, в котором была задета А. А. Воейкова (урожд. Протасова; 1795–1829), жена А. Ф. Воейкова, приходившаяся В. А. Жуковскому племянницей. Эпизод этот очень интересен для характеристики оголтелой, яростной борьбы Булгарина с Воейковым, в которую оказались замешаны и его жена, и Жуковский с А. Тургеневым. Итак, о каком же произведении напоминал Жуковскому Вяземский? Ответ на этот вопрос нам необходим, чтобы понять неопубликованную дневниковую запись Жуковского, в которой речь идет о нападении Булгарина-памфлети-ста на Воейкову.

14 февраля 1825 года в № 20 «Северной пчелы» появилось объявление о выходе № 4 журнала «Северный архив». Именно в этом номере началась публикация сказки (так определен ее жанр) «Философский камень, или Где счастье?» Булгарина, растянувшаяся на пять номеров (подпись «Ф. Б.» поставлена в конце всей публикации). <sup>4</sup> Это была история жизни двух англичан, выведенных под именами Эдуард Вейз и Виллиам Мерри: им удалось разжиться философским камнем и разбогатеть. Первая часть не содержала каких-либо личных выпадов; они появились во второй и сначала выглядели весьма невинно: «Дружба есть моя стихия: она не подвержена бурям и потрясениям, — говорит о себе Эдуард. — Но дружба с просвещенною и добродетельною женщиною имеет необыкновенную прелесть. Женская пронизательность, детское простодушие, которое не оставляет их даже при высоком образовании, нежное соучастие, столь близкое к любви, ибо женщины всегда чувствуют сильнее, нежели мужчины, всё это обвораживает меня и привязывает к одной милой женщине, с которою я дружен. Муж ее, добрый человек, любит меня и уважает, и хотя общество его не весьма занимательно, но оно сносно. Зато брат г-жи Сантиман, человек с отличными талантами, необыкновенным добродушием и кротостью, привязывает меня к себе и оживляет наши беседы пиитическим своим воображением и детскою невинностью. Одним словом, я совершенно счастлив и доволен моей участью в недрах этого доброго семейства и провожу время с величайшей приятностью». <sup>5</sup> Прототипы описанной идиллии следующие: Эдуард, довольствующийся дружбой «милой женщины», — Александр Тургенев, сама «милая женщина», г-жа Сантиман (от *фр.* *sentiment* — чувство), — Александра Воейкова, муж г-жи Сантиман — Александр Воейков, брат г-жи Сантиман — Жуковский.

Последующее развитие этой сюжетной линии «Философского камня» рисует разрушение идиллических отношений внутри семейства Сантиман. Виллиам, интересуясь происшедшим в нем, спрашивает Эдуарда: «А твоя несравненная г-жа Сантиман, а добрый ее муж, а простодушный поэт?» — и слышит в ответ: «...меня обманули и манили призраком дружбы за мое золото. Г-жа Сантиман, ловкая кокетка, промышляет своей чувствительностью так, как другие кокетки своими прелестями. Муж ее — изверг, а брат — тонкий плут, употребляющий притворное простодушие вместо ходячей монеты». <sup>6</sup> Наконец, герои сказки решаются объявить о мнимом банкротстве,

<sup>1</sup> Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским / Под ред. и с прим. Н. К. Кульмана. Пг., 1921. Т. 1: 1814–1833. С. 50 (Архив братьев Тургеневых. Вып. 6).

<sup>2</sup> Там же. С. 436.

<sup>3</sup> *Рейтблат А. И.* Библиографический список прижизненных публикаций Ф. В. Булгарина в периодических изданиях и сборниках // Новое литературное обозрение. 2015. № 5 (135). С. 392–417.

<sup>4</sup> Северный архив. 1825. № 4. С. 395–413; № 5. С. 83–99; № 6. С. 197–214; № 7. С. 257–272; № 8. С. 372–380.

<sup>5</sup> Там же. № 5. С. 88–89.

<sup>6</sup> Там же. № 6. С. 201.

чтобы проверить подлинность своих дружеских связей, после чего «г-жа Сантиман прислала осведомиться о здоровье Эдуарда; брат ее написал элегию, а муж сочинил пасквиль, в котором поместил в сумасшедший дом прежнего своего друга и благодетеля. Муж г-жи Сантиман имел особенный дар в этом роде, и друзья наши признались, что невзирая на черноту души, отсвечивающейся в этом пасквиле, он мастерски написал его»<sup>7</sup> (после этого чета Сантиман исчезает из сказки, по-видимому утратившей для Булгарина интерес, и она быстро завершается какими-то нелепыми приключениями на острове Цейлон). Именно «пасквиль» о сумасшедшем доме, с «помещением» в него одного из героев сказки, является неоспоримым, на наш взгляд, доказательством того, что под г-ном и г-жой Сантиман подразумевались Воейковы, а под братом-поэтом и другом семьи — Жуковский и Тургенев соответственно. Это упоминание, относящееся к 1825 году, является первым упоминанием в печати сатиры Воейкова «Дом сумасшедших» (1814–1838; опублик. 1857), которая имела несколько редакций и постоянно дорабатывалась автором, включавшим в нее новых и новых лиц.<sup>8</sup> Подчеркнем, что сказка Булгарина в истории этой сатиры исследователями не упоминается, поскольку его выпад в ней против Воейкова не был замечен.

Какой же эпизод из истории семейства Воейковых был изображен в сказке Булгарина? Обратим внимание на то, что в ней г-н и г-жа Сантиман вместе с ее братом, пишущим элегии, — это одна семья, «в недрах» которой с «приятностью» проводит время Эдуард. Именно так и было с февраля 1822 года, когда Жуковский, вернувшись из-за границы, поселился в одной квартире с семьей своей племянницы. К этому времени уже сложился любовный треугольник, который Жуковский мог наблюдать вочию: Воейков, его жена и — Александр Тургенев. Для Тургенева Саша стала предметом страстной любви, ее отношение к нему также имело оттенок более или менее выраженной симпатии. Во второй половине 1822 года, после рождения сына, обстановка в семье Воейковых приняла мучительно-нетерпимый характер, поскольку муж был уверен в измене жены. Чуть меньше года (с февраля 1823 года) Воейкова провела вдали от него в Дерпте рядом со своей матерью, и этот временный разъезд супругов был устроен Жуковским, преодолевшим бешеное сопротивление Воейкова.<sup>9</sup> В начале 1824 года Тургенев вновь появляется у Воейковых и Жуковского, но Александра Андреевна уже старается отстраниться от общения с ним. Жуковский был в высшей степени против увлечения Тургенева, считая, что Саша может быть счастлива, только исполняя свою семейную «должность». Разрыв Тургеневым отношений с семьей Воейковых был неизбежен, и он произошел в том же 1824 году.

Конечно, о Тургеневе и Воейковой разговоры в Петербурге шли. То, насколько болезненны были они для Жуковского, видно из его реакции на публикацию в издававшихся Воейковым «Новостях литературы» за 1822 год стихотворения «К ней» (подпись: «В–в»), в котором речь шла о «похищении» героиней «доверенности, любви» и проч.: «Цвет настоящих благ цветет не для меня...».<sup>10</sup> Жуковский считал, что публикацией стихотворения Воейков порочил жену, предавая огласке свои подозрения относительно ее поведения.<sup>11</sup> Вообще он оказался в этой истории между двух огней: с одной стороны, ему нужно было сберечь репутацию и покой Саши, а с другой — сохранить дружбу с Тургеневым, который считал, что Жуковский в итоге

<sup>7</sup> Там же. № 7. С. 263.

<sup>8</sup> Об этом произведении см.: Балакин А. Ю. 1) Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 189–208; 2) Булгарин — персонаж «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова // Ф. В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик. М., 2019. С. 377–391.

<sup>9</sup> См. об этом: «Разлука не развод...»: Из переписки В. А. Жуковского и А. Ф. Воейкова 1823 г. / Вступ. статья С. В. Березкиной; подг. текста и комм. А. Ю. Балакина и С. В. Березкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 263–299.

<sup>10</sup> Новости литературы. 1822. № 26. С. 208; дата под стихотворением: «18 ноября 1822» (указано А. Ю. Балакиным).

<sup>11</sup> «Разлука не развод...». С. 287.

«пожертвовал» им.<sup>12</sup> Осенью 1824 года, тем не менее, на их отношения легла тень размолвки, поскольку Жуковский уже не отступал от позиции твердого противодействия Тургеневу. Когда заболевшая чахоткой Воейкова оказалась в 1827 году за границей, Жуковский запретил ей вступать с Тургеневым, также путешествовавшим по Европе, в какую-либо переписку. Она, тем не менее, началась в конце того же года, на что Жуковский отреагировал жестким запретом, причем для обеих сторон, сразу же положив ей конец.<sup>13</sup>

«Толпа вошла, толпа вломилась / В святилище души твоей...» — написал в 1850–1851 годах Ф. И. Тютчев в стихотворении «Чему молилась ты с любовью...» по поводу одной такой любовной истории.<sup>14</sup> Что же сделал Булгарин в своей сказке из отношений Воейковой и Тургенева? Следует отметить, что в 1825 году Тургенев дважды стал объектом сатиры Булгарина. Только что закончилась публикация «Философского камня», как он обрушил на него следующую публикацию, поместив в своем журнале первый отрывок из романа «Иван Выжигин»,<sup>15</sup> вышедшего отдельным изданием в 1829 году (в текст романа эта сцена, однако, не попала). Отрывок повествовал о знакомстве молодого героя («русского Жилблаза») с разными влиятельными людьми, у которых он искал протекцию для устройства на службу. Один из них был выведен под фамилией Бабослужкин (ср. в «Философском камне» излияния Эдуарда, воспевающего дружбу с женщинами) и был опознан самим Тургеневым как карикатура на него. В письме к Вяземскому от 22 мая 1825 года он писал: «Я узнал себя в Бабослужкине и этим почетным ругательством обязан тебе, вот почему: получив от тебя поручение вытолкать в шею Булгарина, я не мог этого исполнить, ибо он у меня не был; но, встретив его на Полицейском мосту и обесчещенный в присутствии брата его дружескими ласками, я вспомнил на ту минуту похвалы его Шишкову и ругательства Карамзину и сказал ему, что он подлец... Он разгорячился и с жаром отвечал: „Вы мне этого в другой раз не скажете“, а я ему: „Будет и одного“, и уехал. Прочитав статью его и вспомнив его поступок, я сказал: „Конечно, я Бабослужкин“».<sup>16</sup> Тургенев упомянул в письме Карамзина (его критика на страницах «Северного архива» началась в январе 1825 года и продолжалась до конца апреля), но инцидент мог быть связан не только с ним. Тургенев вернулся из Москвы, где провел три месяца, в Петербург в конце февраля 1825 года; «Северный архив» с отрывком из «Выжигина» вышел из печати в середине мая; значит, «подлеца» Булгарин услышал от Тургенева в марте — первой половине апреля того же года, когда пасквильные выпады «Философского камня» уже вполне проявились.

Зададимся вопросом: а почему Булгарин столь настойчиво преследовал Тургенева в своем журнале? Дело в том, что 1825-й был очень сложным, переломным годом в его жизни. В мае 1824 года последовала скандальная отставка кн. А. Н. Голицына с поста главы Министерства духовных дел и народного просвещения, а вместе с ним и Тургенева, директора министерского департамента. Тургенев потерял значительную часть своих доходов и прекрасную служебную квартиру, но не остался без должности и был причислен к Комиссии составления законов (его, впрочем, эта стезя не устраивала). Тургенева постоянно преследовала мысль об отставке, но его останавливал Карамзин, который летом 1824 года имел продолжительные беседы о нем с Александром I. Расчет строился на получение должности статс-секретаря, для Тургенева столь

<sup>12</sup> См. письмо Жуковского к Тургеневу от 31 января 1825 года: «Что могу сказать тебе за себя, если ты и теперь твердишь, что я тобою пожертвовал? <...> Если бы ты мог возвратить это старое время со всею его простотою, как мы втроем, ты, я и Саша, еще могли быть спокойно счастливы друг другом! Но то, что у тебя в сердце, несбыточное, невозможное, все будет портить, и мы, достойные друг друга, будем только рознить сами себя с собою» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 198).

<sup>13</sup> См.: Соловьев Н. В. История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915. Т. 1. С. 171, 181; 1916. Т. 2. С. 64.

<sup>14</sup> Тютчев Ф. И. Лирика: В 2 т. / Под ред. К. В. Пигарева. М., 1966. Т. 1. С. 145.

<sup>15</sup> Булгарин Ф. В. Иван Выжигин, или Русский Жилблаз (Отрывок из нового романа) // Северный архив. 1825. № 9. С. 70–73.

<sup>16</sup> Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 127.

важной, что в противном случае он намеревался совсем уйти со службы. Его письма за границу к брату Николаю наполнены сообщениями о тревожных петербургских толках, клевете, интригах.<sup>17</sup> Скандал вокруг деятельности Голицына разрастался: это было дело об издании книги И. Госнера, причисленное к уголовным как ересь и хула на православную церковь. С начала 1825 года амбиции Тургенева идут на спад, и он все больше утверждает в намерении просить отпуск за границу для лечения: «Я думаю об этом часто и оставлю П<етер>бург с грустью разве только по Кар<амзину> и по Жуков<скому>».<sup>18</sup>

Итак, пасквили Булгарина обрушиваются на потерявшего свои позиции, но некогда сильного и амбициозного чиновника. Полагаем, это был «заказ» той партии, которая была заинтересована в очернении своих предшественников в Министерстве народного просвещения. На смену князю Голицыну пришел адмирал А. С. Шишков, с которым Булгарин был связан благодаря хорошему знакомству с его приятельницей Ю. О. Лобаржевской (урожд. Нарбут; 1779–1849), «одной из центральных фигур польской диаспоры в Петербурге»,<sup>19</sup> в 1826 году ставшей женой Шишкова.<sup>20</sup> Шишков возглавил не только министерство, но и Главное управление духовных дел иностранных вероисповеданий, директором которого ранее был Тургенев. Несомненно, еще до учреждения в 1826 году III Отделения, с которым Булгарин стал активно сотрудничать, он был готов выполнять разного рода «заказы» в своих изданиях, которые очерняли и его конкурентов в литературно-издательском мире, и персон, по разного рода причинам не угодных высшей бюрократии.

Серьезно был задет в «Философском камне» и Жуковский: в его первоначальной характеристике похвала перемежается с двусмысленностью (с одной стороны, «отличные таланты, необыкновенное добродушие и кротость», с другой, «детская невинность» — смешное свойство для человека, на глазах которого друг ухаживает за его «сестрой»), а далее идет уже прямое оскорбление пасквилянта, которое, на наш взгляд, метит в круг иных, нелитературных, занятий «простодушного поэта»: «...тонкий плут, употребляющий притворное простодушие вместо ходячей монеты». В начале 1825 года Жуковский был всего лишь «наставником в российском языке» двух великих княгинь — Александры Федоровны и Елены Павловны. Новую должность — наставник вел. кн. Александра Николаевича — он получил в июле 1825 года,<sup>21</sup> благодаря тому уважению и в высшей степени благоприятному впечатлению, которое сложилось у вел. кн. Александры Федоровны в ходе общения с ним. Придворный статус Жуковского резко вырос после воцарения Николая I, когда вел. кн. Александр Николаевич стал наследником русского престола.<sup>22</sup> Пока же, в начале 1825 года, Жуковский оставался фигурой малозначительной при дворе. Желая потеснить поэта в кругу, близком семейству великого князя, Булгарин исходил, по-видимому, не только из своих интересов. Впоследствии эта тенденция только усиливалась, и в письме к Николаю I от 30 марта 1830 года Жуковский с горечью писал о том, что Булгарин преуспел в своем деле, через посредство иных лиц настроив

<sup>17</sup> Дневники и письма Н. И. Тургенева / Отв. ред. М. Ю. Коренева; подг. текста Е. О. Ларионовой; комм. Р. Ю. Данилевского, Н. Л. Дмитриевой, П. Р. Заборова, М. Ю. Кореновой, Е. О. Ларионовой. СПб., 2017. Т. 4: Путешествие в Западную Европу. 1824–1825. С. 398, 441, 457, 462 и др.

<sup>18</sup> Там же. С. 484.

<sup>19</sup> Из семейной переписки А. С. Шишкова / Вступ. статья и публ. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 79.

<sup>20</sup> См. о ней: Видок Филгарин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Изд. подг. А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 148–149.

<sup>21</sup> См. его формулярный список: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2014. Т. 14. С. 413.

<sup>22</sup> Значимость своей миссии осознал в декабре 1825 года и Жуковский, в письмах которого начинают появляться упоминания о «важном и трудном деле», ему порученном (см., например: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагинной: 1813–1852. М., 2009. С. 281).

против него императора; здесь же упоминался им в связи с этой интригой и А. Х. Бенкендорф.<sup>23</sup>

Впрочем, все выпады в болгаринской сказке против мужчин меркнут по сравнению с тем, что было брошено в глаза Воейковой: «...ловкая кокетка, промышляет своей чувствительностью так, как другие кокетки своими прелестями». Ее отзывчивость и радушие, женская кротость и доброта, необыкновенное обаяние, притягивавшее к ней все сердца, были поруганы словами пасквилянта. Особую остроту им придавало то, что Тургенев был непосредственным начальником Воейкова. В сказке же обыгрывалось другое обстоятельство: Эдуард, герой ее, богат, как и Тургенев... Н. И. Греч, собравший множество петербургских сплетен на страницах своих воспоминаний, написал как будто пояснение к пасквилю Булгарина о «промысле» в доме Воейкова: «Воейков торговал и промышлял не прелестями, а кротостью своей жены. Например, приедет Александр Тургенев и идет, по обычаю, в ее кабинет. Двери закрыты.

— Что это? — спрашивает он у Воейкова.

— Она заперлась, — отвечал Воейков, — плачет. <...> В доме копейки нет, не на что обедать завтра. Заплачешь с горя.

— Пусти меня к ней.

— Не пущу; дай пятьсот рублей.

— Возьми!

Отпирают дверь кабинета. Тургенев находит Александру Андреевну действительно в слезах, но от огорчений, претерпленных ею от варвара-мужа».<sup>24</sup>

Мог ли быть подобный торг в доме Воейковых? Конечно, нет. Ныне известны письма Воейкова к Тургеневу в связи с получением его подписи в так называемом «паспорте» (для подорожной), чтобы ехать в Дерпт к жене. Тон этих обращений к своему начальнику не имеет ничего общего со сплетней, изложенной Гречем: «Прошу тебя, — пишет Воейков Тургеневу 28 июня 1823 года, — поступать с тою же откровенностью и беспристрастием, которое всегда наблюдал ты относительно ко мне, и доставить мне паспорт завтра поутру»; на другой день: «Убедительнейше прошу тебя однажды навсегда именем своим и именем А<лександры> А<ндреевны> не заботиться о ее счастье; она желает, чтоб ты, наделав ей столько неприятностей, оставил ее в покое. Это подтвердит тебе и Жуковский. У нее есть муж, отец детей, который имеет обязанность печься о ее здоровье и счастье, и репутации. <...> Не доводи до историй и ссор».<sup>25</sup>

Греч был не менее, чем Булгарин, зол на Воейкова (они были соредакторами журнала «Сын отечества» в 1820–1821 годах): он «успел насолить всем, ибо голос злобы и зависти был в нем сильнее расчета, выгод и пользы». Эту примесь имеет и отзыв Греча об использовании Воейковым обаяния своей жены: «Он обязан был всем существованием несравненной жене своей, прекрасной, умной, образованной и добрейшей Александре Андреевне, бывшей его мученицей, сделавшейся жертвой этого гнусного изверга. Всяк, кто знал ее, кто только приближался к ней, становился ее читателем и другом. Благородная, братская к ней привязанность Жуковского, преданная бессмертию в посвящении „Светланы“, известна всем. Потом первыми гостями ее были Александр Иванович Тургенев и Василий Алексеевич Перовский. Булгарин некоторое время сходил от нее с ума».<sup>26</sup> Между тем все эти связи были чистые и святые и ограничивались благородной дружбой. Разумеется, в свете толкования не так: поносили ее, клеветали и лгали на нее. Такова судьба всех возвышенных людей среди уродов,

<sup>23</sup> [Бартенев П. И.]. Из бумаг В. А. Жуковского // Русский архив. 1896. № 1. С. 109–114. В этом письме Жуковский называет те эпизоды, которые вызвали ненависть к нему со стороны Булгарина (защита материальных интересов Воейкова, отзыв о романе «Иван Выжигин», высказанный автору прямо в лицо, и т. п.), естественно не упомянув о том, что сам он был карикатурно изображен Булгариным в одном из его произведений.

<sup>24</sup> Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 649–650.

<sup>25</sup> «Разлука не развод...». С. 297–298.

<sup>26</sup> Сохранилось более чем любезное письмо Булгарина к Воейковой от 13 февраля 1821 года (на фр. языке), в котором он выражал ей свое восхищение, называл ангелом и проч. (ИРЛИ. Р. I. Оп. 2. № 273).

с которыми они обречены жить. Женская зависть играла в этом не последнюю роль».<sup>27</sup> Между тем к распространению сплетен о Воейковой имел отношение и он! Об этом свидетельствует публикуемая нами ниже дневниковая запись Жуковского. Да и «Северный архив», в котором появилась сказка о «кокетке, промысляющей своей чувствительностью», выпускался двумя издателями — Булгариным и Гречем. Публикация пасквиля неслучайно совпала с финалом любовной истории Тургенева: «правдивость» событий, рассказанных в нем, подтверждалась фактическим разрывом его с домом Воейкова (Булгарин, конечно же, об этом знал). Когда началась публикация «Философского камня», Тургенев жил (с ноября 1824 года) в Москве, откуда в письме от 23 января 1825 года писал Жуковскому: «В сердце, повторяю, любовь к вам (к Жуковскому и к Саше. — С. Б., О. Л.) нераздельная, самая нежная, сильная, неизменившаяся, но, опять повторяю, в памяти то, что ты помог истребить меня в сердце ее, а она отняла тебя у меня. <...> я болен и несчастлив навеки, кто бы этому ни был виною, случай или я сам».<sup>28</sup>

«Философский камень» после журнальной публикации перепечатывался во всех собраниях сочинений Булгарина,<sup>29</sup> вплоть до последнего, вышедшего в 1839–1844 годах. Изменение коснулось лишь подзаголовка, который в этих изданиях звучал как «философическая сказка». Умерла Воейкова, уехал за границу Тургенев, лишь временами возвращавшийся в Россию, а Булгарин продолжал публиковать беспомощное в художественном отношении сочинение, которое уже и понимать было почти некому. Но как же столь явный пасквиль на Воейковых мог оказаться незамеченным в той обширной научной литературе, которая посвящена Булгарину и Воейкову? По неписанным правилам того времени, сатирический выпад литератора *умным человеком* игнорировался как не относящийся к нему: он себя в нем не узнавал... Пушкин восклицал в эпиграмме «Как сатирой безымянной...» (1829), написанной по поводу другой, более ранней эпиграммы, на которую вопреки всем ожиданиям откликнулся его «зоил»: «В получение оплеухи / Расписался мой дурак?»<sup>30</sup> Жуковский и его друзья ответили на пасквиль Булгарина гробовым молчанием. Лишь Вяземский обронил в своем письме упоминание о выходке Булгарина против Воейковой, с которого мы и начали свою статью.

Публикуемая нами дневниковая запись Жуковского сделана на отдельном листке и сохранилась среди его бумаг. В ней идет речь о готовящемся к публикации сочинении Булгарина, которое должно было задеть Воейкову. Полагаем, имеется в виду «Философский камень», а сама запись относится к январю 1825 года. Жуковский упоминает в ней о сюжетной детали, которая в тексте Булгарина отсутствует: ненависть Воейковой к своему мужу. Можно предположить, что автор все-таки убрал несколько слов из него после обращения к нему Жуковского. Угрозы его обратиться за защитой к императору Булгарин проигнорировал. Он понимал, что тот будет вынужден промолчать в ответ на публикацию «Философского камня». Поскольку громкого скандала не случилось, Булгарин посчитал, что имеет полное право жаловаться Бенкендорфу, шефу III Отделения, на преследования со стороны поэта. 12 апреля 1827 года он писал ему: «У меня есть сильный один враг у самого трона; этот враг — друг противника моего Воейкова»; 25 января 1830 года: «Меня гонят и преследуют сильные ныне при дворе люди: Жуковский и Алексей Перовский»<sup>31</sup> (неслучайно здесь стоят рядом имена самых преданных друзей Воейковой). Когда III Отделение в 1832 году похоронило из-за надуманных придирок, руками Булгарина, журнал «Европеец», а вместе с ним и начинающего журналиста И. В. Киреевского, также племян-

<sup>27</sup> Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 648–649.

<sup>28</sup> Siegel H. Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenew und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829. Köln; Weimar; Wien, 2012. S. 465 (№ 227).

<sup>29</sup> См.: Булгарин Ф. В. 1) Соч.: В 5 т. СПб., 1828. Т. 3. Ч. 6. С. 167–248; 2) Соч.: В 12 ч. СПб., 1830. Ч. 4. С. 139–226; 3) Соч.: В 4 ч. СПб., 1836. Ч. 1. С. 421–461; 4) Полн. собр. соч.: В 7 т. СПб., 1843. Т. 5. С. 226–249.

<sup>30</sup> Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М., 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 167.

<sup>31</sup> Видок Фиглярин. С. 156–157, 381.

ника Жуковского, поэт попытался вступить за него. В первой редакции своего письма, предназначавшегося Бенкендорфу, Жуковский писал: «...есть у нас романы, в коих <...> под вымышленными именами обруганы некоторые из живых людей, занимающих в обществе почетное место; эти имена не напечатаны, но были распушены под рукою, и в некоторых вымышленных есть сходство с настоящими. Через это книги получили ход, были раскуплены, и из десяти читателей, конечно, один знал, кого разумел в ругательстве своем автор».<sup>32</sup> Этот выпад Жуковского адресовался автору «Ивана Выжигина». В нем Булгарин вывел известных в русском обществе людей, таких как адмирал Н. С. Мордвинов (под именем Чувашин), М. Л. Магницкий (Притягалов), гр. Ф. И. Толстой-Американец (граф Тонковорин) и др.<sup>33</sup> Это была старая метода Булгарина, проявившаяся и в «Философском камне», и в отрывке о Бабослужкине из «Выжигина».

Если иметь в виду образ Булгарина в известной книге М. К. Лемке, испестренной словами «мерзавец», «подлец» и т. п.,<sup>34</sup> то история с пасквилем под названием «Философский камень» немного к нему добавляет. Жуковский не преуспел в попытке защитить от Булгарина Воейкову. Несчастная женщина, которая несла на себе тяжкое иго супружества с Воейковым (перед смертью она не могла помыслить, что ее дети останутся с отцом, и они, сироты, дня не провели с ним под одним кровом),<sup>35</sup> затем это увлечение Александром Тургеневым (а оно, как мы думаем, было), попытка вынужденного развода, т. е. разъезда с мужем, как практиковалось в ту эпоху, и, наконец, ослабивший ее в свете пасквиль! Воейкова была дамой высшего света, общалась и с Александром I, и с Николаем I, ее любила и Мария Федоровна, императрица-мать, и Александра Федоровна, которая предоставила для нее бессрочный заем для лечения за границей (его взял на себя Жуковский), а затем дала возможность трем осиротевшим дочерям получить образование за ее счет. А. Тургенев сообщал брату Николаю в письме от 20 июня (2 июля) 1824 года о сожалениях Александра I по поводу его отставки, выраженных в разговоре с Карамзиным: «То же почти говорил и Воейковой, которая ежедневно с ним видится в саду и, заговорив обо мне с ним, заплакала (об этом не говори никому)»; в конце письма он прибавил еще одно замечание государя, которое можно отнести к его истории с Воейковой: «...начал с нею разговор обо мне и о ней: *он всё знает*, сказал он ей».<sup>36</sup> Для того времени появление в печати пасквиля, подобного «Философскому камню», — случай исключительный, поскольку за оскорбление благородной женщины можно было заплатить на дуэли жизнью. Полагаем, «Философский камень» был серьезным ударом по репутации Воейковой, поэтому Жуковский предпринял все, что было в его силах, для ее защиты.

Ниже публикуется по автографу (ИРЛИ. № 27844. Л. 1–2) отрывок из дневника Жуковского, содержащий отзыв на памфлет Булгарина и датированный январем 1825 года. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

Если бы эта пиеса была уже напечатана и я бы узнал об ней только тогда, когда бы прочитал ее печатную, то, вероятно, я не сказал бы ни слова, оставив ее в презрении и зная, что заводить шум было бы точно оскорбительно для А<лександр> А<ндре-евны>.

Но она еще не напечатана, и я знаю об ней по слухам. Что это значит? Хотят предупредить читателей, возродить их любопытство и наименовать *словами* те лица,

<sup>32</sup> [Бартенев П. И.]. Из бумаг В. А. Жуковского. С. 116.

<sup>33</sup> См. об этом: Березкина С. В. Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2004. Вып. 29. С. 229–248.

<sup>34</sup> Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 369–427.

<sup>35</sup> См. об этом: «Жива ли ты еще?...» (Последние письма В. А. Жуковского к А. А. Воейковой) / Вступ. статья и комм. С. В. Березкиной; подг. текста Н. Л. Дмитриевой // Русская литература. 2016. № 4. С. 163–171.

<sup>36</sup> Дневники и письма Н. И. Тургенева. Т. 4. С. 403.

которых цензура не позволила бы поименовать *в печати*. И цензор, и автор в стороне, а до цели достигнуто. Но это пасквиль, и я обязан предупредить все, *что касается до* А<лександры> А<ндреевны>.<sup>1</sup>

Я стою не за Воейкова; если он бросал своею грязью в Булгарина, для чего Булгарину не бросать своею грязью в Воейкова.<sup>2</sup> Они поступают оба одинаким образом: оба правы друг перед другом! Поступают ли благородно, об этом пусть судит публика; мне ни до того ни до другого нет дела.

Но имя женщины должно быть свято. Вмешивать ее в пасквиль, осмеливаться печатать о какой-то ее ненависти к мужу (распустив прежде словесно, о ком идет речь), есть поступок бесчестный. Вступаться за женщину, обиженную в низком пасквиле, значило бы снова оскорблять ее; но предупредить должно; итак, если не захотят скромно и без шума исполнить того, что просто предписывает честь, то найдется средство унять без шума нахальство, оставя в стороне почтенное имя А<лександры> А<ндреевны>.

И вот какое средство. Чтобы избежать всякого шума, говорю *с глазу на глаз* с Н. И. Г<речем> с тем, чтобы он перелагал слово в слово наш разговор Булгарину. Об нашем разговоре не узнает никто, кроме двух человек, которые уже мною предупреждены и могут засвидетельствовать, что я знал о *пиесе* Булгарина прежде, нежели прочитал ее (т. е. кроме Карамзина и Тургенева). Если Булгарин вымарает из своей пиесы все, что хотя малейшее имеет отношение к А<лександре> А<ндреевне>, то между нами дело конечно — печатай он свою пиесу хоть золотыми буквами; об нашем разговоре не узнает никто; я за Воейкова не стою. Пускай они оба стреляются своими перебранками. Если же пиеса будет напечатана так, как об ней говорят, если найдется в ней *хотя что-нибудь насчет* А<лександры> А<ндреевны>, то я, не заводя никакого шума, буду жаловаться прямо Государю<sup>3</sup> и в своей записке представлю слово в слово то, что говорил с Н. И. Гречем, изъяснив, что насчет этого мерзкого дела предупредил его и что даже доставил ему копию с моей записки к Государю, что и сделаю.

Требую этого один раз навсегда насчет А<лександры> А<ндреевны>. Пускай бранятся журналисты. Но чести и покоя *семейного* не трогай. Просто честь и благородство должны бы были побудить Булгарина уважить почтенное имя женщины, которой характер известен лучшему обществу как чистый и непорочный, которая заслуживает и его личную благодарность за ту ласку, с какою принимала его в доме, но он не имел довольно души, чтобы в своей ненависти отделить жену от мужа. Итак, пускай примет мой беспристрастный совет: *один раз навсегда прошу, чтобы он оставил* А<лександру> А<ндреевну> *в покое*, и без нее довольно найдет он способов удовлетворять своей злобе против Воейкова, против которого волен он писать что угодно, если считает, что такого рода занятие делает ему честь.

Прошу г. Булгарина вымарать то, что относится до А<лександры> А<ндреевны> (в статье, о которой идет речь), не упоминая об нашем разговоре и не давая чувствовать, что это по моей просьбе.

Он это *должен сделать*, в противном случае поступит неблагородно, и его поступок не останется без неприятных для него следствий. Если с его стороны ничто разглашено не будет, то от меня о нашем разговоре не узнает никто (кроме только тех, кои об нем уже знают, но они не будут говорить ни с кем).

О письме ко мне.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Жуковскому не впервые пришлось улаживать конфликт между Булгариным и Воейковым с упоминанием имени Александры Андреевны. Сохранилось несколько писем и записок Жуковского к Булгарину за 1823 — начало 1824 года (ИРЛИ. Ф. 623 (Ф. В. Булгарин). № 9, 28; РГАЛИ. Ф. 1231. Оп. 3. Л. 1, 2); из них напечатано только одно письмо (первое, отнесенное при публикации к 1822–1823 годам (Русская старина. 1883. № 12. С. 712–713). В действительности же это письмо было написано в середине сентября 1823 года. В нем говорилось о плане Булгарина, взбешенного очередной выходкой Воейкова в печати, завладеть газетой «Русский инвалид», которую тот издавал с 1822 года, лишив его тем самым средств к существованию. Об этой «проделке» Булгарина рассказал в своих воспоминаниях Н. И. Греч, приписав себе улаживание конфликта (Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 656–657). Между тем сначала на

Булгарина пытался воздействовать К. Ф. Рылеев и в устной беседе, и в письме от 7 сентября 1823 года (*Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. / Ред., вступ. статья и комм. А. Г. Цейтлина. М.; Л., 1934. С. 469–470, 781). Затем обратился с письменным увещанием Жуковский, но, встретив отказ, был вынужден просить о помощи Карамзина, благодаря которому «Русский инвалид» и остался у Воейкова (см. письмо Тургенева Вяземскому от 22 мая 1825 года: Остафьевский архив... Т. 3. С. 128). Как и в публикуемой здесь дневниковой записи, Жуковский в том письме к Булгарину говорил уже не о Воейкове, а о его семье: «...что сделала вам его жена, достойная вашего уважения и от которой вы ничего не видели кроме приязни? Что сделали вам его дети? За что делаете их ответчиками за те оскорбления, которые получили от самого Воейкова?» (Русская старина. 1883. № 12. С. 712). В 1823 году Жуковский обещал, что, если Булгарин удовлетворит его просьбу, он предаст забвению этот эпизод. Так в дальнейшем и произошло, о чем можно судить по нескольким запискам Жуковского к Булгарину делового и вполне дружественного характера, которые были связаны с разного рода публикациями и изданиями поэта. Они обрываются весной 1824 года, что объясняется все нараставшим обострением войны журналистов, когда имя Жуковского начинает всплывать в разного рода колких упоминаниях Булгарина, пишущего и против Воейкова, и против Вяземского (см., например: Литературные листки. 1824. № 6. С. 238–239). Впоследствии Жуковский очень сожалел, что Вяземский оказался вовлечен в полемику с Булгариным. С весны 1824 года начинает нарастать напряжение в отношении Жуковского с Булгариным, принявшее форму принципиального отталкивания от него как человека «дурной нравственности».

<sup>2</sup> Полемика Воейкова и Булгарина началась в 1822 году и к 1825 году давно уже переросла в непримиримую личную вражду. Они преследовали друг друга бесконечными попреками в ошибках и опечатках и разыгрывали на страницах своих изданий целые баталии вокруг литературных событий и мнений. Воейков пытался опираться на своих «знаменитых друзей» (круг Жуковского), что распаляло Булгарина, видевшего в них представителей враждебного ему лагеря.

<sup>3</sup> Никаких следов жалоб Жуковского Александру I по этому поводу не сохранилось.

<sup>4</sup> По-видимому, речь идет об ожидавшемся письме Булгарина Жуковскому; сведений о таком не имеется.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-45-51

© И. Р. Саитбабатов

## БАШКИРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. ДАЛЯ: ИСТОЧНИКИ И ПАРАЛЛЕЛИ В ТЮРКОЯЗЫЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ\*

Башкортостан — историко-культурный регион, населенный представителями башкирского этноса и охватывающий, кроме одноименного субъекта Российской Федерации, территорию Оренбургской, Самарской и Челябинской областей, восточные районы Татарстана, южную часть Пермского края и Свердловской области. Хотя современное название этого региона, образованное от автоэтнонима коренного народа и иранского форманта «остан», вошло в публичный дискурс сравнительно недавно, в начале XX века, представление о «стране башкир» на Южном Урале и в прилегающих районах Сибири и Поволжья возникло в географической традиции мусульманского востока еще в IX–XII веках (билад ал-басджирт — страна башкир), в западноевропейских текстах — в XIII веке (Bascart, Baskardia, Pascherti), а в русской традиции — укоренилось к середине XVIII столетия.<sup>1</sup> Первоначально понятие «Башкирия» (Башкирда, Башкирь, Башкирская орда, Башкирская провинция) утвердилось в языке административно-актовых документов, затем — научных текстов (труды В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, отчеты академических экспедиций П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. Г. Георги) и лишь в первой половине XIX века вошло в художественную речь.

\* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 17-04-00193) и Совета по грантам Президента РФ (проект МК-5443.2018.6).

<sup>1</sup> История башкирских родов. Уфа, 2015. Т. 8: Кобау. С. 40–41.